

Цена отдельн. № в Москве, провинции и на жел.-дор. ст.—5 коп.

ГОД ИЗДАНИЯ 13-й.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН,
BUTUN DYNJA PROLETARLAR, BİRLƏŞİNİZ! ҚРАІ.БСЕРЬБЕР РІІІОР БЕРҚР'БЕРР

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
И
Всероссийского Центральн. Исполнительного Комитета
СОВЕТОВ

Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

РЕДАКЦИЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, 37, Страстная		
ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:	П Р И Е М	ТЕЛЕФОНЫ ГЛ. КОНТОРЫ:
Телефонограммы 4-33-51	ОБ'ЯВЛЕНИИ И ПОДПИСКИ производится с 8 ч. утра до 8 ч. веч.	Секретариат и телефонограммы 4-72-37
Технический секретарь 2-52-53		Главная бухгалтерия 3-77-23, 3-76-06
Корректурa 4-60-12		Отдел распространения 4-14-26
Отдел информации . . . 3-83-46, 4-81-54 и 1-42-88		Отдел об'явлений . . . 5-44-26, 1-84-41 и 5-43-39
Отдел советского строительства . . . 4-76-87		Почтовая экспедиция городская 1-72-29
Бюро расследований 1-42-86, 4-81-65		Почтовая экспедиция иногородняя . . . 5-44-07
Непринятые рукописи не возвращаются и не хранятся.		
С жалоб. на недоставку газ. обращ. по т. 1-72-29		

№ 136 (3672)

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 июня 1929 г.

Публицистика в творчестве Чехова.

В письме к Суворину от 17 октября 1889 г. Чехов решительно протестует: «Где вы нашли публицистику?..». Речь идет о повести «Скудная история», и Антон Павлович пространно старается убедить адресата, что публицистики в названной повести нет и быть не может.

Одиннадцать лет спустя в письме к Горькому читаем: «Дорогой Алексей Максимович, ваш фельетон в «Нижегор. Листке» был балластом для моей души. Какой вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики, вы же вполне владеете и пером журналинского человека... значит, валяйте и публицистику...». В письме от 4 января 1897 г. находим вновь как бы жалобу Чехова на отсутствие у него публицистической жилки. Мотив этот можно обнаружить то здесь, то там; Чехов кажется его — в своей обычной для него манере — как бы мимоходом, но видно, что интерес к публицистике вьется в творческих замыслах художника, не выходя, однако, наружу.

Чехов почти не писал публицистических статей, а когда писал, то так неохотно и настолько неудачно, что сам просил не печатать эту продукцию. Единственное исключение составляют очерки о Сахалине. Об этом будет сказано ниже. Чехов избрал объектом своего творчества действительность. Вопросы, волновавшие общество в последние два десятилетия прошлого века и накануне первой революции, не могли не касаться общественно-писательской деятельности. Чехов живо и часто высказывался по поводу того или иного общественного явления, но высказывание это локализовалось в определенной сфере: в письмах; в письмах, предназначенных для частного адресата, но не для печати. Одни художники, обладая боевым темпераментом, пишут публицистические статьи в журналах и газетах, даже издают свои собственные публицистические органы. Другие — таит свои общественные симпатии в недрах психики, не доверяя их никому, разве что позволяют себе иногда обронить интимную запись в секретном дневнике. Чехов не принадлежит ни к первой категории, ни ко второй: он не скуп на высказывания, однако, эти высказывания предназначались не для всеобщего ознакомления. Чехов охотно дает ответы на все поставленные жизнью вопросы; все возникающие проблемы он так или иначе разрешает, но разрешение это должно остаться в пределах узкого доверительного круга избранных. В письмах Чехова мы находим суждения и о тупости земских начальников, и о самоуправстве и произволе властей, и о том, что «синод и министерство просвещения сливаются воедино», о взяточничестве, о живости газет, о милитаризме, о гнусности «Нового Времени», о высокой детской смертности, об изолированности русской интеллигенции и т. п.

Как должны мы отнестись к подобным эпистолярным высказываниям? Один исследователь метко выразился по поводу переписки Екатерины II: «Екатерина была слишком умна, чтобы быть искренней в письмах к Вольтеру, к Даламберу и всем знаменитостям века, имевшим большое влияние на общественное мнение».

Никто не сомневается в искренности А. П. Чехова, когда речь идет о переписке с родными, когда переписка касается обыденных вопросов. Чехов — не позер. В письмах его сквозит очаровательная интимная открытость, покоряющая читателей, как гиринов. Но эти письма большую часть лишены социального содержания. Умственные и политические запросы сосредоточиваются в других письмах: в посланиях к Лейкину, Гольцеву, Соболевскому, Плещееву и особенно к Суворину. А названные лица были не только друзьями Чехова, но и редакторами тех органов, где Чехов печатался.

Насколько искренен был Чехов в этих письмах?

Если проследить в хронологическом аспекте высказывания Чехова, зафиксированные в его письмах, то нетрудно прийти к выводу, что в письмах нет расхождений с общим идейно-психологическим обликом Чехова-художника. Письма последовательно отражают ту же эволюцию, которая вскрывается из анализа творческого пути Чехова. Письма его отчасти играют роль чертжей, которые изготавляются для воздвигаемых зданий; чертжей, которые известны лишь узкому кругу работников; чертжей, эскизов, рисунков, до которых нет дела широкой публике, получающей строение в законченном виде. В своих письмах Чехов настолько же искренен, насколько может быть искренен архитектор, вычерчивающий планы своих строений: сомнениям в искренности здесь нет места. Почему же в таком случае Чехов не публиковал своих публицистических высказываний? Ведь его приглашали к этому и Гайдебуров, и Меньшиков, и Суворин, и Дятлев, и др.

В истории отдельных народов бывало так, что письма — в отдельные эпохи — становились необходимой составной частью общественной жизни. Интимная беседа позволяла касаться таких вопросов, которых не было возможности затронуть публично из-за рогаток цензуры, из-за преследований и пр. Но едва ли этот мотив побуждал Чехова к обильному эпистолярному творчеству: высказывания его столь умеренны, что могли бы найти место в любом подцензурном органе печати. Так что же заставляло его писать длиннейшие частные послания на много страниц, в которых он подробно высказывается по тому или иному вопросу, спорит, возмущается, —

это — совсем почти публицистические статьи. Чехов высоко ценит публицистический талант; острое перо журналиста восхищает Антона Павловича.

Но у него самого нехватает ни публицистического жара, ни необходимой для журналиста отваги: протест чеховский, воплощенный в художественное его творчество, — автор это прекрасно понимал, — слишком распыляется, совсем мало ощущим. Надлежало как-то за-

А. П. Чехов.

острить этот неуловимый протест, придать ему в своих глазах, в глазах самых близких людей более веский характер, огрубить его, сообщить ему больше действительности. И Чехов снабжает свои художественные произведения щиплющим соусом: острыми протестами и откровенными высказываниями, фиксированными в письмах.

Чехов необычайно экономен в своих новеллах и драмах. Он отсекает каждую лишнюю фразу, даже лишнее слово. В опубликованной Центрархивом безымянной драме можно наблюдать эту тонкую работу отжимки текста. Чехов достиг в этом большого искусства; он восхищает даже иностранных мастеров экономичностью своих приемов. И он же, когда обращается к почтовой бумаге, становится многословен, пишет письма в несколько страниц, подробно трактует свои замыслы, не скупится на повторения, спорит, впадает в азарт.

Чехов в своей художественной манере необычайно мягок, кисть его тонка, а нюансы нежны и целомудренны. Чехов из всех общественных писателей несомненно обладает самой бережной манерой письма. Но грубая жизнь давала себя знать: обстановка была далеко не нежна в отношении писателя-разночинца. Чехов долго испытывал нужду, голодал, знал грошевую оплату. Жизнь

толкала его и модела, и эта вульгарность, эта жесткость должна была где-то и как-то найти выход. И вот мастер тончайших акварельных нюансов, Чехов, в письмах своих не скупится на грубые эпитеты, на ругань; Чехов в своих письмах аляповат, иногда даже вульгарен (некоторые письма просто поражают своим дурным вкусом, как, например, письмо 91 в IV томе¹).

В творениях Чехова мелькает зачастую легкая улыбка, скользит едва уловимая лирическая ирония. Зато в письмах звучит громкий смех, озорные шутки сыплются в изобилии. Некоторые послания переполнены жирными остроумиями, переходящими часто в вульгарности (см. том V, стр. 126, 208²) и мн. др.). Комическая манера Чехова-артиста, весьма утонченная в его художественных произведениях, как бы восполнялась контрастным эхо грубоватого юмора улицы или обывательской квартиры.

То же самое наблюдаем мы и в сфере других эмоций. В письмах своих Чехов жалуется на проклятые условия существования: мало писать и писать без конца, и все это для денег, — «для сволочных рублей...». Жалобы эти нередки: «Когда я пишу, то у меня такое отражение, как будто я ем щи, из которых вынули таракана». Такова действительность, и таковы высказывания Чехова о нудной жизни. Но как отражаются эти неприятности и страдания в литературе, в искусстве? В письме к Книппер от 2 января 1900 г. Чехов по поводу игры на сцене настаивает: «Страдания надо выражать не руками и не ногами, а тоном, взглядом; не жестиком, а грацией». Нам известно, что свои личные страдания сам Чехов выражал гораздо грубее: когда он пишет о поносе, причинявшем ему долгие неприятности, он в письмах выражается довольно откровенно. Когда арестован был Чертков, Чехов возмущался не взглядами, а в энергичных, записанных в письмах выражениях чувствуется энергичная жестикомация. Но таков уж прием этого художника: в творениях, предназначенных для широкой публики, Чехов тонок и лиричен, едва уловим. Чехов является выразителем настроений интеллигенции 80-х и 90-х гг. К этому времени рыночная интеллигенция растеряла свой былой боевой дух, обмякла волей, и эта — то мягкотелость выражена Чеховым в художественных творениях неуловимо-нежной нюансировки. Почти неуловим был и политический протест либеральной интеллигенции, весь построенный на оттенках, нерешительности, колебаниях. Но даже незначительная либеральная фронт осуждается Чеховым на первых этапах его роста. Он начинает с того, что вообще устраняет себя от политики, объявляет себя представителем «чистого искусства» и упорно свое имя в «большой литературе» под сенью «Но-

¹ Изд. 1914 г.
² Изд. 1915 г.

вого Времени» и шефа этой газеты Суворина. Так обстояло дело до 90-х годов. Но и в эту эпоху, т.-е. в 80-х годах, Чехов, поднимаясь до высших слоев рафинированной интеллигенции, усвоивший весь комплекс психоидеологии этой общественной группы, сохранил еще в своих жилах кровь деда-крепостного и ухватку отца, зажимистого плебея; небольшая эта доза демократической крови и давала себя знать в смелых письмах, в грубом смехе, в крайних, угловатых островах да в откровенных высказываниях, которые рассеяны в изобилии в частных письмах Чехова.

«Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы в ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично». Эта манера весьма для Чехова характерна. Она представляет полную противоположность литературной манере публициста, который ням и никогда не писал непосредственно с натуры. Однако, в творческом ассортименте Чехова, зрелого Чехова, имеется солидная продукция, записанная непосредственно с натуры: мы имеем в виду «Остров Сахалин». Очерки эти стоят как-то особняком. Чехов собрался и поехал в путешествие неожиданно, поездка эта была непонятна. К чему ему вдруг понадобился Сахалин?

Поездка на Сахалин произошла в начале 90-х годов, на рубеже двух эпох, когда в воздухе носились новые веяния: что-то назревало. Чехову надо было сосредоточиться, кое-что продумать, осмыслить, оформить бродящие чувство-

Дом в г. Александровске на-Сахалине, в котором жил Чехов.

вания и симпатии. И он затормозился на Сахалин. Суворин, знавший хорошо Чехова, следивший чутко за его настроениями, встревожился; он отговаривает Чехова от поездки, как бы предчувствуя, что дальнейшее это путешествие является

этапом в жизни Антона Павловича. Чехов отвечает Суворину: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не рассылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионы... Сахалин — это место невыносимых страданий... Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски...». В письмах Чехова о Сахалине мы находим много более интересного и острого, чем в книгах Чехова, посвященных Сахалину.

Может быть, Чехов поехал посмотреть на безобразия и произвол властей? Но безобразия и произвола было вдоволь и в пределах Европейской России; не стоило ехать из-за этого за тридевять земель. Тут причина в ином. В психике Чехова накопились к началу 90-х годов протесты и сомнения, отражающие общественное настроение и общий подъем этой эпохи. Непроизвольно потянуло Чехова к публицистике внутренняя необходимость оформить свои обновляющиеся общественные взгляды. Обычно слабое социальное напряжение, получавшее до сего времени разрешение в частных письмах, на рубеже 90-х годов напряглось в необычных для Чехова дозах. Он собирается писать публицистические очерки, может быть, целую книгу, трактат. Если писать, так уж писать! Писать с остротой, с перцем саднящие статьи о месте невыносимых страданий, о сгноенных понапрасну миллионах людей и пр. и пр., — да ведь это вся Россия! Сахалин представляет сколок и символ, аллегорическую схему всей царско-помещичьей

Однако, окончилось дело так, как и должно было кончиться с представителем либеральной интеллигенции. Написал Чехов о Сахалине в книге «Остров Сахалин» совсем не то, что задумал; никакого публицистического жару здесь нет, и когда автор увидел, что выходит совсем не то, что задумано было, он к работе этой охладил и заканчивал сахалинские очерки с равнодушием и скукой.

Вернулся из путешествия Антон Павлович бодрым и довольным. Теперь он перестает сотрудничать в «Новом Времени», сближается с либералами. И естественно, перед ним встает вопрос о значении писателя, о функции художественной литературы. Необходимо пересмотреть этот вопрос. Чехов недоволен своим писательством. Те самые высказывания о свободном творчестве, которые он с такою настойчивостью когда-то защищал в известном письме к Плещееву, не удовлетворяют теперь его. «Я не уважаю того, что пишу, я встал и скупил себе... Надо бы выкупаться в серной кислоте...». И еще в другом письме: «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангусом¹. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек...».

В 1888 г. Чехов писал Григоровичу: «Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет, я меняю его ежемесячно, а потому придется ограничиться только описанием, как мой герой любит, женится, родит, умирает и как говорит». Чехов убеждал себя и других, что жизнь надо изобразить такую, какая она есть, без мудствований и направлений. Ныне он этим не довольствуется. Литературная программа изменена в корне. В письме, датированном концом 1892 г., читаем: «Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными..., имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... Лучшие из них реальные и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тпру, ни ну... У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе — хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим...».

Чем больше Чехов ценил теперь направление в искусстве, чем ближе он примыкал к либералам и радикалам, тем все больше задумывался он над своими приемами творчества, тем чаще посещали его сомнения на этот счет. Вот он восхищается смелым выступлением Зола по делу Дрейфуса; он положительно пленен публицистической отвагой муже-

ственного романиста. Во всех письмах этого периода читаем мы похвалу честной боевой журналистике. Чехов вспоминает благородное выступление Короленко по Мултанскому делу, выступления Вольтера и др. У Антона Павловича нехватает боевого темперамента для того, чтобы публично выступить против «Нового Времени», вставшего в судебном процессе Дрейфуса на сторону реакционных сил. Но в письмах Чехов ведет положительную настоящую атаку против Суворина. Он заражен публицистическим пылом, и как раз в это время читаем: «Мне опротивело писать, и я не знаю, что делать. Я охотно бы занялся медициной...» И еще в другом письме: «Не хочется писать, и пишешь так, точно ешь постное на шестой неделе поста». Чехов недоволен своей двадцатилетней литературной работой, разочарован, недоволен, да и как можно быть довольным, когда вспоминаешь путь, пройденный в «Новом Времени», а «Новое Время», — понял теперь Чехов, — «это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов, это чорт знает что!».

Творчество Чехова сражает последовательную смену настроений и чувствований интеллигенции 90-х годов, затем 90-х годов и канунных лет первой революции. Культивируя тончайшие приемы художественного мастерства, Чехов сонаходил (сперва смутно, а затем и более отчетливо), что общественная значимость его творчества как бы чересчур сглажена и завуалирована, что произведения его в целом как бы нуждаются в подкреплении публицистического характера, в заостренной акцентировке. Однако, Чехов не обладал публицистическим темпераментом в такой мере, чтобы проявить себя журналистом. Легкий, слабого напряжения публицистический его пыл разрядился в частных письмах. Частная переписка Чехова — необходимая органическая восполнение творчества Чехова, публицистическое восполнение. Здесь, и только здесь, сосредоточены высказывания по главнейшим общественным и политическим вопросам. Эпистолярная струя в творчестве Чехова играет роль далеко не второстепенную; публицистический элемент в переписке Чехова следует изучать в такой же мере внимательно, как и художественные его тексты, ибо они во всяком случае более характерны, нежели опубликованные сахалинские публицистические очерки. Самое обращение Чехова к этому последним знаменательно потому, что тяготение Антона Павловича к открытой публицистике локализовалось именно к тому моменту, когда в психике писателя накопились острые общественные переживания, выливающиеся впоследствии в уход Чехова из лагеря «Нового Времени» и в приближении писателя сперва к позициям либерализма, а позднее — и демократического радикализма.

¹ Зверек, привезенный тещей.